

В результате реализации НИР вокруг ее проблематики сложился коллектив опытных и молодых специалистов, ориентированный на долгосрочную исследовательскую работу по изучению различных срезов феномена российских нравов.

Акимов В. Русские созреют для модернизации лишь к 2025 году // Digest Web : информ. интернет-издание. URL : <http://digestweb.ru/32463-russkie-sozreyut-dlya-modernizacii-lish-k-2025-godu.html> (дата обращения: 1.10.2012). [Akimov V. Russkie sozreyut dlya modernizatsii lish' k 2025 godu // Digest Web : inform. internet-izdanie. URL : <http://digestweb.ru/32463-russkie-sozreyut-dlya-modernizacii-lish-k-2025-godu.html> (data obrascheniya: 1.10.2012)].

Историческая динамика российских нравов: консерватизм vs модернизация : материалы всерос. конф. с междунар. участием (20 апреля 2012 г.) / отв. ред. Л. С. Лихачева. Екатеринбург, 2012. 221 с. [Istoricheskaya dinamika rossiskikh nraov: konservatizm vs moderniza-tsiya : materialy vseros. konf. s mezhdunar. uchastiem (20 aprelya 2012 g.) / otv. red. L. S. Likhacheva. Ekaterinburg, 2012. 221 s.].

Семенова В. В. Качественные методы : введение в гуманистическую социологию. М., 1998. С. 228. [Semenova V. V. Kachestvennye metody : vvedenie v gumanisticheskuyu so-tsiologiyu. M., 1998. S. 228].

Л. С. Лихачева

ИЗУЧЕНИЕ ТЕКСТОВ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-РЕЦЕПТИВНЫЙ ПОДХОД

Одним из приоритетных научных направлений кафедры зарубежной литературы Уральского федерального университета, поддержанного грантом Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.» (№ НК-643П), стала разработка проблемы восприятия текстов современной массовой литературы (преимущественно зарубежных). Интерес к феномену массовой литературы и вопросам, связанным с ее изучением, заметно активизировался как в отечественной, так и в зарубежной гуманитарной науке последних десятилетий. В частности, давно назрела и уже активно решается проблема взаимодействия «элитарной», «классической» и «массовой» традиций, поскольку сегодня уже очевидно, что развитие культуры, ее существенных составляющих совсем не обязательно задается «высокими образцами».

Как известно, массовая культура имеет свою сложившуюся эстетику, она «компенсаторна» в самом широком смысле — как восполнение разнообразнейших недовольств в реальном существовании человека, и в первую очередь эмоциональных. Массовая культура выполняет особую «полезную» функцию — является своеобразным средством общественной терапии, сглаживает противоречия социального неравенства, а кроме того, функцию социальной адаптации индивида к изменяющимся условиям жизни.

В современном обществе массовая литература становится «не только механизмом социализации, выполняющим ценностно-ориентационные функции, реализуемые, в частности, через социально маркированное потребление, но — что гораздо более важно — механизмом формирования способов действия и коммуницирования» [Костина, с. 35].

Тексты массовой литературы, обеспечивающие коммуникацию в рамках массовой культуры, выполняют адаптивную функцию. Они поддерживают социоролевые позиции каждого члена социальной группы. Эти тексты представляют определенную зна-

чимость для индивида, определяют его картину мира и систему ценностей. Позволяя индивиду проживать различные психологические состояния, массовая культура формирует состояние его адаптированности к социальной реальности.

В подобном социокультурном аспекте большой интерес представляет изучение феномена массовой литературы, ее становления, функционирования и читательской рецепции (см. работы И. Кабановой, А. Костиной, Р. Костромицкого, А. Николюкина, И. Федоровой, М. Черняк и др., а также ученых-филологов УрФУ Н. Купиной, М. Литовской).

Из работ исследователей со всей очевидностью вытекает тот факт, что принятное сегодня разделение литературы на детскую и взрослую, массовую и интеллектуальную, мужскую и женскую более не является удовлетворительным: к примеру, детская литературная сказка активно читается взрослыми; представление же об «интеллектуальности» чрезвычайно субъективно, оказываясь на деле идеей, ярлыком, который читатель самостоятельно навешивает на предпочтаемый им текст. В самом же тексте, в его имманентном содержании и имманентной структуре нет ничего, что позволяло бы судить о его «интеллектуальности».

В этой связи особо остро ощущается необходимость построения новой — психосоциальной — типологии литературы, которая бы отталкивалась не от структурно-тематических характеристик произведений, а от психосоциальных характеристик их «идеальных читателей». Кстати сказать, сам феномен чтения применительно к изучению массовой литературы обретает особую актуальность, будучи обусловлен важностью изучения типов рецепции литературного произведения, утративших в контексте сегодняшнего дня свою клишированность.

В этом смысле первое, с чем неизбежно сталкивается любой исследователь массовой литературы, — это хрестоматийное разделение чтения на «легкое» (массовая литература) и «серьезное» (элитарная литература). Так, в ряде работ показано, что читатель массовой литературы часто испытывает чувство вины за то, что читает неканонические произведения и не читает произведения принадлежащие канону «высокой литературы». Как пишет Д. Рэдуэй, изучающая психологию читательниц дамских романов, это «чувство вины является результатом собственного смущения читателей из-за того, что они потакают своему стремлению испытать этот, очевидно приятный, опыт» [Radway, p. 106]. Однако является ли это ощущение вины повсеместным? В работе В. Нелл возникновение этого чувства объясняется влиянием протестантской этики, которая «предполагает, что удовольствие следует заслужить, отчего отсутствие необходимости прикладывать усилия за чтением легкой литературы делает получаемое удовольствие сродни эйфории наркомана...» [Nell, p. 32].

Однако гипотеза о влиянии установок протестантской этики предполагает, что это чувство вины будет возникать лишь у представителей тех культур, в которых укоренены соответствующие этические установки, и может быть проверена путем интервьюирования российских потребителей массовой литературной продукции. В частности, в качестве контргипотезы можно выдвинуть идею о том, что возникновение этого чувства в большей мере связано с давлением культурного канона и неканоничностью литературного поведения читателя. Данный тезис нашел свое подтверждение в эмпирических исследованиях (анкетировании большого числа респондентов), проводимых коллективом кафедры, и послужил свидетельством действия универсальных, а не культурно-специфических механизмов читательской реакции.

Важным шагом в теоретико методологических поисках обоснования нового подхода к изучению текстов массовой зарубежной литературы стал вывод о том, что соединение эстетико-рецептивного и эмпирического методов исследования может

дать интересные результаты в понимании того, как разные группы читателей оценивают свои собственные литературные пристрастия. Философско-методологическим основанием данной идеи послужили работы по феноменологической социологии (А. Щюц, П. Бергер, Т. Лукман и др.), включающие такие важные и базовые для нее понятия, как жизненный мир, повседневный опыт, знания и т. д. В частности, Мачей Марыл в своих недавних работах так подошел к описанию функций массовой литературы в повседневной жизни поляков [см.: Maryl]. В соответствии с традицией феноменологической социологии он рассматривает чтение массовой литературы как особый интенциональный акт, в котором «читатели достигают индивидуально определяемые цели и обогащают свои жизненные миры. Структура жизненного мира, определенная биографическая ситуация, обусловливает реакцию читателя. Цели, достижаемые в акте чтения, опыт, полученный в функциональном мире [произведения], составляют часть их жизненного мира. Этот активный поиск информации и эмоций глубоко укоренен в их повседневном опыте» [Ibid., p. 321].

Согласно Марылу, чтение массовой литературы включает в себя следующие мотивы:

1. Поиск специфических эмоций (позитивных/негативных): чтение позволяет сменить эмоциональный фон обычного дня (читатели часто просят библиотекарей посоветовать им «что-нибудь трогательное», «забавное» и т. п.; ср. слова читателя: «Мне нужно снять напряжение. Знаете, мне все равно, глупое это произведение или нет, мне это просто необходимо»).

2. Эмоциональная стимуляция: эта мотивация встречается у людей, работающих по ночам, выполняющих монотонную работу (ночные сиделки, сторожа и т. п.) и в силу этого нуждающихся в психоэмоциональном возбуждении.

3. Релаксация: обратная функция чтения связана с тем, что некоторыми читателями оно рассматривается как замена снотворного, что обусловливает выбор книги (ср.: «Лучше всего меня усыпляет эта монотонность, тупая монотонность»).

4. Уход от реальности через выполнение компенсаторной деятельности: чтение увлекает читателя в тот мир, где он, идентифицируя себя с героем, может выполнять действия или испытывать те эмоции, которые, в силу разных причин, недоступны ему в реальности (т. е. когда он находится в состоянии «депривации»). Марыл различает временную и длительную депривацию. Временная депривация возможна, например, в общественном транспорте, когда человек в течение некоторого времени находится в статическом положении, в этом случае чтение является тем компенсаторным механизмом, который «загружает когнитивные ресурсы» пассажира [Maryl, p. 325]. В ситуации длительной депривации (пенсионер, отдыхающий, инвалид, любой человек, длительное время лишенный тех форм общения, которые представляются ему нормальными и естественными) чтение служит субSTITУТОМ общей социальной активности, вводя читателя в мир чужих чувств и действий.

Несмотря на то, что эта типология явно не учитывает всех форм массовой литературы, равно как в принципе очень неоднозначно соотносится с категориями «массовости» и «элитарности», она вместе с тем дает образец качественного психосоциального исследования мотивационного аспекта чтения. Именно она послужила источником для построения оригинальной модели рецепции массовой литературы, опирающейся, помимо функционального подхода, на фундаментальные положения рецептивно-эстетической (В. Изер, Г. Р. Яусс, М. Риффатер, С. Фиш) и эмпирической (Э. Ибш, В. Ван Пеер, Д. Шрам, Г. Штеен) теорий текста, учитывающих достижения социологии и психологии литературы, а также социологии массовых коммуникаций.

Появление этой модели, как уже говорилось выше, обусловлено уязвимостью традиционной трактовки массовой литературы как чего-то противопоставляемого высо-

кой литературе. В рамках этого традиционного подхода *массовое* определяется как «категория литературных произведений, относимых к маргинальной сфере общепринятой литературы и отвергаемых как псевдолитература» [Baldick, p. 160], т. е., говоря иначе, под «массовым» понимается то, что находится за границей литературного канона, который, в свою очередь, является отражением точки зрения определенной социальной группы. Дальнейшее развитие этой теории приводит к необходимости, во-первых, очертить границы канона, что обычно вызывает известные трудности, т. к. границы эти легко проникаемы, даже если мы пытаемся начертить их с позиций лишь одной социально маркированной точки зрения (например, официальной идеологии); во-вторых, сформулировать причины, по которым данная социальная группа оценивает произведения так, а не иначе и именно таким образом формирует канон (а это, в свою очередь, означает необходимость учитывать отношения данной группы с другими группами, в том числе теми, которые могут предлагать альтернативные точки зрения на то, каким должно быть «подлинное», т. е., в терминах Лотмана, «системное» искусство). Однако даже в этом случае в теоретической модели литературоведов и социологов «массовое» будет определяться *ex negativo* как нечто «маргинальное», «неканоническое», «несистемное» и т. п., а разница между «массовым» и «элитарным» будет выискиваться прежде всего в сфере эстетических оценок.

Теория массовой литературы просто не может возникнуть на этом фундаменте. Очевидно, что необходимо переориентировать ее, показав позитивную сущность массовой литературы, которая может быть описана в терминах функционализма как набор социальных и психологических функций, выполняемых такого рода литературой. В конечном счете это позволяет по-новому проводить границу между «массовым» и «элитарным»: и то и другое следует понимать не как имманентные характеристики текстов, а как характеристики, возникающие из способности текста выполнять те или иные функции в конкретной ситуации чтения.

Разработанный нами подход мы назвали функционально-рецептивным, поскольку, с одной стороны, он ориентирован на понимание особой позитивной функциональности массовой литературы в «жизненном мире» читателя, а с другой — предполагает, что реализация данных функций возможна лишь тогда, когда читатель изнутри своего «жизненного мира» готов (или сознательно стремится) принять то или иное литературное произведение как выполняющее данную функцию. Другими словами, существует прямая зависимость между способностью произведения выполнить соответствующую функцию и готовностью к этому читателя. Последний приступает к чтению, имея определенный набор установок, читательских диспозиций, которые в терминах констанцкой школы именуются «горизонтом ожидания» читателя. Таким образом, реализация функциональности произведения возможна только при соблюдении определенных условий reception текста. Степень удовлетворенности читателя (потребителя) данным произведением (литературным продуктом) также зависит от того, насколько данный текст будет успешен в выполнении той или иной потребительской функции.

Разработка теоретической модели рецепции текстов массовой литературы включает и такие категории, как стратегия чтения, модель чтения, функции чтения, читательская ситуация, и базируется на двух научных положениях:

- 1) функциональная природа чтения;
- 2) интертекстуальная природа жанра, и прежде всего клишированных жанров, массовой литературы.

Первое положение опирается на длительную научную традицию, ориентированную на понимание функционального содержания чтения. В рамках данной традиции

предлагались, в частности, разнообразные типологии функций литературы и функций чтения. При этом функции литературы и функции чтения не совпадают. Под функциями литературы традиционно понимаются функции литературы как культурной институции. Под функциями чтения следует понимать функции акта чтения в «жизненном мире» читателя.

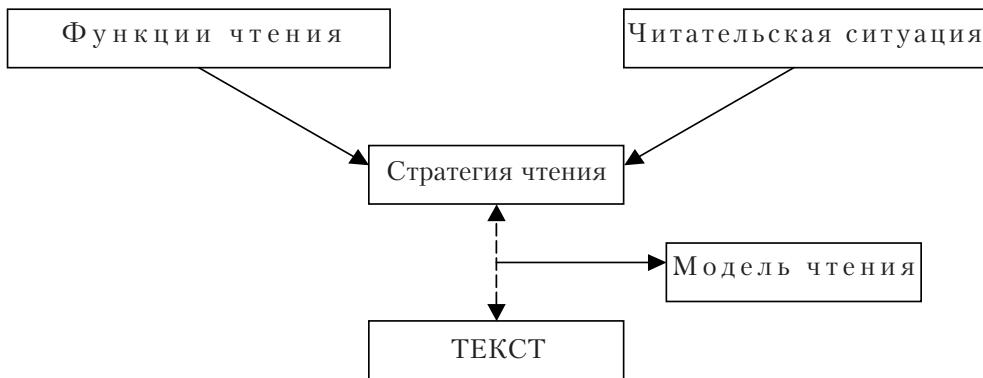
Второе положение опирается на те концепции жанра, в которых он трактуется как «результат интертекстуальных и метатекстуальных процедур, заключенных в письме и чтении» [Juvan, p. 7]. Некоторые исследователи вообще видят глубинную близость феноменов жанра и интертекстуальности как таковых. Например, Х. Голд отмечает ряд их сходств: двойная сущность жанра как программы и текста; практическая невозможность разграничения между общими кодами и их реализацией в отдельных текстах; важность жанровых сигналов для интерпретационной деятельности читателя [см.: Gold, p. 81].

Согласно разработанному алгоритму исследования, для психолого-социологического описания рецептивного акта необходим учет нескольких факторов, составляющих важнейшие компоненты теоретической схемы восприятия текста массовой литературы. Во-первых, необходимо учитывать функции массовой литературы — закрытый и относительно универсальный список, отражающий те функции, которые массовая литература в принципе может реализовывать в «жизненном мире» читателя. Во-вторых, это читательская ситуация — описанная по конкретным параметрам ситуация чтения, включающая в себя как стабильные характеристики читателя, так и вариативные характеристики той непосредственной ситуации, в которой осуществляется чтение. Наложение читательской ситуации на функциональную специфику массовой литературы позволяет формулировать то, что мы называем читательской стратегией, под которой понимаем специфический набор функций массовой литературы, преимущественно реализуемый в данном конкретном акте чтения. Иначе говоря, стратегия чтения — это то, какие функции реализует чтение данного конкретного произведения в данной конкретной ситуации. При этом в реальной практике анализа исследователь также может иметь дело с типичной стратегией, т. е. с регулярным образом реализуемой стратегией, при которой реализуется типичный для определенного психосоциального типа читателя и для какой-либо типичной ситуации чтения набор функций.

Несомненно, следует иметь в виду, что реализация или нереализация той или иной стратегии чтения в немалой степени зависит от читаемого текста, а точнее, от того, в какой степени данный текст санкционирует право на реализацию данной стратегии чтения. Исследование столкновения читателя с текстом позволяет обнаруживать в тексте те его элементы, которые позволяют осуществлять требуемые функции, и те, которые не способствуют их осуществлению. Исходя из этого исследователь может построить модель чтения, устанавливающую зависимость между ситуацией чтения и имманентными/контекстными характеристиками данного текста. Модель чтения является сложным понятием. Описать модель чтения означает вписать данный текст в жизненный мир читателя, установить корреляцию между структурными признаками текста (тематика, тип сюжета, стиль, характеристики героя и т. д.) и ситуацией чтения (психотип читателя, сеть его социальных коммуникаций, конкретная ситуация чтения и т. п.).

Графически описанную схему можно представить следующим образом (см. схему на с. 291).

Функции чтения. На основе сопоставления существующих классификаций [см.: Ханин; Левина; Соколов; Фрумкин; Стефановская; Спиридовон], а также с учетом специфики массовой литературы было выявлено четыре основных блока функций.

1. **Развлекательные функции**, которые в данном случае трактуются не только в отношении юмористической литературы и восприятия комического, но, шире, как обусловленные самим характером массовых жанров (в частности, такими их общими чертами, как увлекательность, идеалистичность, однозначность). Применительно к нашему объекту они реализуются в возможности для читателя абстрагироваться от бытовых проблем и реалий повседневной жизни. В качестве подвидов данный блок включает в себя:

а) гедонистическую функцию — в том случае, если речь идет об устойчивом предпочтении индивидом того или иного жанра или автора массовой литературы, поскольку именно он оптимально удовлетворяет его читательским запросам и вкусам, доставляя тем самым наслаждение в процессе чтения;

б) эскапистскую функцию, проявляющуюся в способности произведений массовой литературы замещать действительность. В частности, в том, что читатель, вовлекаясь в сюжетное действие, получает возможность ставить себя на место героев, тем самым «отключаясь» от реальности. Так, например, за счет чтения триллеров, приключенческой литературы и литературы ужасов у фрустрированного современного человека восполняется недостаток приключений, интриг, ярких эмоций в реальности. За счет любовных романов компенсируется отсутствие идеальной любви, романтики и т. д.

2. **Коммуникативные функции** связаны с пониманием чтения массовой литературы как особой социальной практики. В рамках реализации данной функции читательское предпочтение того или иного типа текстов может быть основой для отождествления себя с некоторой референтной группой (конформности) и/или, наоборот, выделения из непосредственного социального окружения. Данный блок может быть подразделен на следующие подвиды:

а) престижную функцию, проявляющуюся в ситуации, когда собственная значимость текста отходит на второй план, а знакомство с ним или обладание им служит свидетельством причастности читателя к ценностям определенного круга людей;

б) ценностно-ориентированную функцию, связанную с моделированием мировоззрения, жизненных целей и потребностей, а также формированием особой иерархии ценностей под воздействием текстов массовой литературы, что впоследствии влияет на социальные проявления читателей. Так, чтение любовных романов и проецирование идеальных ситуаций на реальные отношения могут стать причиной завышенных требований по отношению к партнерам в жизни.

3. **Познавательные функции** предполагают обращение к чтению текстов массовой литературы с целью получения каких-либо новых знаний (относительно

другой культуры, других социальных условий, психологии личности и отношений, житейской философии и т. д.) Необходимо также отметить, что для реализации данной функции большую роль играет простота и доступность изложения, характерная для массовых жанров, что положительно сказывается на усвоении читателем, пусть и в упрощенном виде, во многом полезной информации. К примеру, культурологические романы Дэна Брауна «адаптировали» для массового читателя легенду о Святом Граале и историю тайных обществ средневековой Европы.

4. Психосоматические функции проявляются в том, что чтение массовой литературы способствует релаксации, восстановлению сил, несет рекреативную нагрузку, благоприятно воздействуя на физическое состояние читателей. Примером действия этих функций может стать то, что, по свидетельству многих респондентов, чтение остро-сюжетной литературы помогает снять стресс от выполнения рутинной работы и, кроме того, восполнить — без риска для собственной жизни — недостаток адреналина за счет погружения во внутренний мир текста. Психосоматические функции составляют специфический именно для массовой литературы функциональный признак.

В западном обществе Нового времени т. н. элитарная культура призвана заботиться о духовности человека, говоря другим словами, о жизни его сознания. В этом контексте элитарная литература — это литература, которая нацелена на формирование мыслей и чувств, т. е. определенных ценностных установок, ориентирующих мышление и эмоциональные реакции субъекта. Эти ценностные установки могут быть конформными или революционными, что в данном случае несущественно. Существенно то, что их формирование осуществляется в акте чтения как бы без участия тела: действительно, в идеальном, прототипическом случае «духовного», «высокого» акта чтения текст как продукт культуры непосредственно воздействует на сознание, последнее интериоризует содержание произведения в виде набора оценок и разного рода регулятивов, которые должны ориентировать прежде всего духовное и интеллектуальное существование субъекта, становиться частью его духовного и интеллектуального опыта. Прагматика «элитарного» письма игнорирует, как бы выносит за скобки психо-эмоциональное состояние читателя, время и обстоятельства чтения, по своему содержанию и культурной функции «элитарное» произведение выше сиюминутных обстоятельств чтения и всех потребностей субъекта, выходящих за границы «духовного» и «интеллектуального». С точки зрения «высокой» культуры сказать о произведении Кафки или Джойса, что оно «скучное», нельзя: эта характеристика абсурдна, принципиально неприменима к такого рода сочинениям, ибо не соответствует их прагматике и идеальной для них ситуации «интеллектуального» чтения. Отталкиваясь от этих соображений можно сформулировать своеобразие акта чтения паралитературы, которое видится нам в том, что чтение массового текста затрагивает не только и не столько сознание субъекта, сколько его тело: чтение такого произведения снимает стресс, отвлекает, развлекает, возбуждает, усыпляет и т. п. Иначе говоря, произведение массовой литературы как бы преодолевает ханжеский солипсизм «высокой» культуры, встраивается в реальность телесного существования человека, которому свойственно не только мыслить и чувствовать, но и спать, есть, ходить на работу, заниматься любовью, проводить много времени в общественном транспорте и проч. «Чтение перед сном» или «дорожное чтение» — понятия, далекие от «высокой» литературы, они отражают функцию, которую играет книга в телесном опыте читателя, в структуре его повседневного существования.

Читательская ситуация. Под читательской ситуацией мы понимаем совокупность постоянных (статических) и изменяемых (вариативных) условий и лично-

стных характеристик, определяющих особенности читательского восприятия в конкретном индивидуальном акте чтения.

В категорию статических компонентов, определяемых нами объективно, включаются:

а) социально-демографические характеристики читателя, такие как пол, возраст, род деятельности (профессия), уровень достатка, образование;

б) психологические характеристики читателя, такие как темперамент (сангвинический, холерический, меланхолический, флегматический); индивидуальный психотип (в нашем случае определяемый в рамках «трехфакторной модели личности» Г. Ю. Айзенка).

В категорию вариативных компонентов, определяемых самими читателями-респондентами, входят локальные условия, определяющие конкретную ситуацию чтения:

— место чтения (в домашней обстановке, в транспорте, на работе и т. д.)

— время чтения (перед сном, во время перерыва, во время учебных занятий и т. д.)

— цель чтения (для успокоения, получения новой информации, последующего обсуждения и т. д.).

Модель чтения. Как уже отмечалось, модель чтения — сложная категория, отражающая корреляцию между структурными признаками текста (тематика, тип сюжета, стиль, характеристики героя и т. д.) и ситуацией чтения (психотип читателя, сеть его социальных коммуникаций, конкретная ситуация чтения и т. п.). Следовательно, модель в каждом отдельном случае должна описываться индивидуально.

В целом, предложенная исследовательская модель обладает, на наш взгляд, рядом существенных преимуществ:

- Она отказывается от имманентного статуса элитарности/массовости произведения, а значит, позволяет избежать проблемы, связанные с определением художественного «качества» текста.

- Позволяет описывать текст в зависимости от социально-психологических «переменных», определяющих рецептивный контекст чтения. Таким образом, исследовательский фокус переносится на обстоятельства чтения и читающего субъекта, что оправданно, поскольку именно от них зависит оценка произведения и производимый им эффект, смысловой, художественный, психосоматический.

- При этом чтение произведения рассматривается как особая коммуникативная практика, включенная в сеть подобных практик, куда входит чтение нелитературных текстов, а также разнообразные коммуникативные цепочки, выстраивающиеся «вокруг» чтения: литературные рекомендации и система авторитетов, обсуждение произведений, приятие или неприятие, типы социально маркированного поведения и проч.

- Для каждого произведения оказывается возможным описать сразу несколько актуализируемых им рецептивных моделей, в зависимости от параметров рецептивного контекста.

Костина А. В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М., 2006. 352 с. [Kostina A. V. Massovaya kul'tura kak fenomen postindustrial'nogo obschestva. M., 2006. 352 s.].

Левина М. Читатели массовой литературы в 1994–2000 гг. — от патернализма к индивидуализму? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.

2001. № 4. С. 30–37. [Levina M. CHitateli massovoj literatury v 1994–2000 gg. – ot paternalizma k individualizmu? // Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2001. N 4. S. 30–37].

Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации : учеб. пособие. СПб., 2002. [Sokolov A. V. Obschaya teoriya sotsial'noj kommunikatsii : ucheb. posobie. SPb., 2002].

Спиридовон Д. В. Нarrativ массовой литературы в пространстве повседневности: diegesis как мимесис // Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2011. № 4. Т. 1 : Филология. С. 54–63. [Spiridonov D. V. Narrativ massovoj literatury v prostranstve povsednevnosti: diegesis kak mimesis // Vestn. Leningrad. gos. un-ta im. A. S. Pushkina. 2011. N 4. T. 1 : Filologiya. S. 54–63].

Степановская Н. А. Экзистенциально-коммуникативные основы чтения. Теория, методология и методика социологического исследования : автореф. дис ... докт. социол. наук. Тамбов, 2009. 40 с. [Stefanovskaya N. A. Ekzistentsial'no-kommunikativnye osnovy chteniya. Teoriya, metodologiya i metodika sotsiologicheskogo issledovaniya : avtoref. dis ... dokt. sotsiol. nauk. Tambov, 2009. 40 s.].

Фрумкин К. Г. Кризис художественной литературы с точки зрения ее социальных функций [Электронный ресурс] // Критика. 14. 2008. URL: <http://www.pereplet.ru/text/frumkin10apr08.html> (дата обращения: 16.11.2012). [Frumkin K. G. Krizis khudozhestvennoj literatury s tochki zreniya ee sotsial'nykh funktsij [Elektronnyj resurs] // Kritika. 14. 2008. URL: <http://www.pereplet.ru/text/frumkin10apr08.html> (data obrascheniya: 16.11.2012)].

Ханин М. Г. Социальные функции печати и личностные функции чтения // Социология и психология чтения : сб. ст. М., 1979. С. 58–73. [Khanin M. G. Sotsial'nye funktsii pechati i lichnostnye funktsii chteniya // Sotsiologiya i psikhologiya chteniya : sb. st. M., 1979. S. 58–73].

Baldick Ch. The Concise Oxford Dictionary of Literary Terms. Oxford ; N. Y., 1990. 246 p.

Gold H. The Novelist at the Opera: Genre and Intertextuality in *Su unico hijo* // Intertextual pursuits: literary mediations in modern Spanish narrative. Lewisburg, 1998. P. 76–97.

Juvan M. Generic Identity and Intertextuality [Electronic resource] // Comparative Literature and Culture. 2005. 7 Jan. P. 1–11. URL: <http://docs.lib.psu.edu/clcweb/vol7/iss1/4> (дата обращения: 19.10.2011).

Maryl M. The apology of popular fiction. Everyday uses of literature in Poland // Directions in Empirical Literary Studies. Amsterdam, 2008. P. 317–328.

Nell V. Lost in a Book. Psychology of Reading for Pleasure. N. Haven, 1988. 336 p.

Radway J. Reading the Romance. Women, Patriarchy and Popular Literature. Chapel Hill, 1984. 306 p.

Л. А. Назарова
Д. В. Спиридовон

КОДИФИЦИРОВАННАЯ НОРМА И РЕГИОНАЛЬНЫЙ УЗУС

При всем разнообразии проблем российского общества современное языковое сознание характеризуется повышенной нормативной рефлексией, что выражается в особом внимании носителей языка к своей и чужой речи, к литературной норме. Считается, что литературно-языковой идеал, определяемый как базовый признак нормированной литературной речи, русского литературного языка как языка государственного, находит отражение в нормативных словарях русского языка.

Ответом на запросы общества является активный интерес исследователей к коммуникативной компетентности современного образованного человека, к уровню владения им литературной нормой [см.: Комментарий к Федеральному закону...]. Собственно